

Чу Муюнь, тяжело дыша, вернулся и, жадно глотая воду, которую протянула ему Сяо Син, договорился с режиссёром Чжу о том, чтобы закончить съёмки раньше срока.

К счастью, в этой сцене снимались «отец Гу» и «мать Гу», оба — опытные актёры. Они справились со своей задачей со второго дубля.

Если бы им понадобилось больше дублей, Чу Муюнь подумал бы о том, чтобы пустить слезу и изобразить страдание, чтобы заставить их почувствовать себя виноватыми и сыграть лучше.

— Спасибо, режиссёр Чжу! Спасибо, учителя! Мой друг приехал на съёмочную площадку, так что я сейчас уеду! — выпалил Чу Муюнь и повернулся к своей помощнице Тянь Синцзы. — Можешь ехать одна. Не нужно меня провожать.

— О, хорошо. Счастливого пути, учитель Чу, — кивнула Сяо Син.

Не в силах утерпеть, Чу Муюнь бросился прочь, но через несколько шагов вдруг кое-что вспомнил. Он метнулся в соседний дом, который съёмочная группа временно арендовала под гримёрку и комнату отдыха. Он сел за туалетный столик и начал яростно смывать грим, стирая синяки со щёк.

Затем он нанес тонкий, искусно выполненный макияж — настолько естественный, что даже такой прямолинейный человек, как Великий Император, не заподозрил бы, что он накрашен!

Не то чтобы Великий Император был на самом деле натуралом!

Он также взял из гардероба стилиста тщательно подобранный наряд, который больше не надевал во время съёмок, но в котором выглядел особенно хорошо, и переоделся.

Приведя себя в порядок, Чу Муюнь снова поспешил выйти.

В коридоре он столкнулся с менеджером Ло И. Выражение его лица было мрачным и угрожающим, но он не обратил на это внимания, обошёл его и побежал вниз по лестнице.

Машина всё ещё стояла там, и Лу Ханьчжан ждал.

Увидев его, Лу Ханьчжан отошёл в сторону и по-джентльменски открыл перед ним дверцу машины.

Чу Муюнь сел в машину, а Лу Ханьчжан закрыл за ними дверь.

— Ты выглядишь... — Взгляд Лу Ханьчжана на мгновение задержался на лице Чу Муюня.

— Особенно хорошо? — Чу Муюнь мило улыбнулся.

— М-м.

Лу Ханьчжан не мог отвести взгляд от губ Чу Муюня — розовых, влажных и... манящих.

В следующее мгновение перед его глазами возникло лицо Чу Муюня, его мягкие губы словно приблизились, и их лица оказались в нескольких сантиметрах друг от друга.

У Лу Ханьчжана перехватило дыхание.

В машине с кондиционером внезапно стало теплее, как будто они чувствовали дыхание друг друга и тепло, исходящее от их тел.

— Давай я проверю, пристегнут ли ты, — сказал Чу Муюнь с озорной улыбкой и пристегнул Лу Ханьчжана, прежде чем откинуться на спинку сиденья.

Он выглядел невинным.

— ... — Лу Ханьчжан взял себя в руки. Его голос, когда он давал указания водителю, снова стал холодным и отстранённым. — Езжай в Синьжунцзи.

Считается ли это свиданием с Великим Императором?

Сидя в машине, Чу Муюнь предался размышлениям, и его начала охватывать лёгкая нервозность. Он никогда раньше не ходил на свидания.

Благодаря своей яркой внешности в школьные годы он, естественно, привлекал внимание многих поклонников, как мужчин, так и женщин. Тогда, не зная, увидит ли он когда-нибудь Великого Императора снова, и не особо заботясь о том, чтобы хранить целомудрие, Чу Муюнь подсознательно сравнивал каждого поклонника с Великим Императором. Никто не мог сравниться с ним, и он до сих пор одинок.

Теперь, конечно, его взгляд был прикован только к Великому Императору!

Машина въехала на парковку, и они вдвоём вошли в ресторан, заняв столик в отдельном зале. Чу Муюнь мысленно перебирал советы по свиданиям, которые он нашёл в интернете.

Стоит ли ему есть меньше, чтобы казаться более сдержанным?

— Тебе не нравится еда? — спросил Лу Ханьчжан, заметив, что Чу Муюнь почти ничего не ест.
— Мы можем заказать что-нибудь другое или сменить ресторан.

— Н-нет, это очень вкусно! — запинаясь, произнёс Чу Муюнь.

Он не упоминал об этом, но после двух совместных ужинов Лу Ханьчжан, похоже, прекрасно угадал его предпочтения и заказал блюда, которые любил Чу Муюнь.

— Тогда ешь больше. Ты немного похудел.

— Угу, — ответил Чу Муюнь, беря палочками кусочек жареной морской улитки.

Обеды, которые выдавали членам экипажа, были неплохими, но после того, как Чу Муюнь питался ими больше месяца, они ему порядком надоели. Шеф-повар в этом ресторане был действительно искусным, и Чу Муюнь обнаружил, что съел больше, чем планировал.

Чу Муюнь представлял себе это свидание так: они гуляют, держась за руки, играют в игровые автоматы, смотрят фильм, дарят букет цветов, наслаждаются ужином при свечах и целуются в укромном, тускло освещённом месте.

Реальность: он зарывается лицом в еду, ест, ест и ест.

После ужина Лу Ханьчжан отвёз его обратно в отель.

— Не хочешь ненадолго подняться ко мне в комнату? — пригласил Чу Муюнь.

— Конечно.

Он действительно согласился. Пока они ехали в лифте, Чу Муюнь не мог сдержать поток фантазий.

Теперь, когда мы одни в комнате, будет ли всё развиваться естественным образом? Стоит ли мне надеть шёлковую пижаму, когда я выйду из ванной, чтобы он её снял, или лучше раздеться догола?

Лу Ханьчжан просто хотел посмотреть, как выглядит комната Чу Муюня после того, как он прожил в ней месяц. Он огляделся, решил, что всё в порядке, и сказал:

— Мне пора возвращаться. Отдыхай.

Хм, я так и знал, что от него ничего не добьюсь! Он даже не обнимет меня. Как вообще могло

произойти что-то ещё?

— Ты так торопишься уйти, — сказал Чу Муюнь, опустив глаза. В его глазах навернулись слёзы, и он произнёс подавленным голосом: — Возможно, мы видимся в последний раз.

— Почему?

Сердце Лу Ханьчжана ёкнуло: Неужели Чу Муюнь сдаётся из-за того, что я избегаю слова «любовь»?!

— Потому что, как только съёмки закончатся, я перестану быть малоизвестным Чу Муюнем! Я стану большой звездой Чу Муюнем! Я уже не буду тем, кем являюсь сейчас!

Чу Муюнь намеренно попытался напугать его и втайне усмехнулся, увидев, как Лу Ханьчжан на мгновение застыл. Затем он мило подмигнул, как и подобает кумиру высшего уровня, и предложил:

— Хочешь автограф прямо сейчас? Позже он будет стоить целое состояние.

— Конечно, — ответил Лу Ханьчжан со сложной улыбкой, уже поняв, что этот маленький хитрец его переиграл.

— Хорошо, я напишу его для тебя. — Чу Муюнь взглянул на стол в другом конце комнаты, где отель предоставил канцелярские принадлежности.

Прежде чем он успел отвернуться, Лу Ханьчжан сказал:

— Не пиши на чистом листе бумаги.

— М-м, я знаю. Но я также знаю, что ты никогда не попытаешься меня обмануть, — с ухмылкой сказал Чу Муюнь. — Как насчёт того, чтобы я расписался у тебя на руке?

Он взял ручку, взял левую руку Лу Ханьчжана и аккуратно написал на его ладони своё имя, добавив сердечко в конце иероглифа «Юнь».

Чу Муюнь отработывал свою подпись. Он всегда верил, что однажды станет большой звездой и ему понадобится эта подпись. Хотя за все эти годы ему редко приходилось её использовать.

Лу Ханьчжан опустил взгляд на тёмные чернила.

— Это легко вывести.

— Ничего страшного, — весело сказал Чу Мюнь. — Я напишу ещё раз при следующей встрече.

Поздно вечером, когда в отеле воцарилась тишина, Лу Ханьчжан сидел один в своём номере и снова и снова рассматривал подпись на своей ладони.

Но он не мог вечно избегать душа. Выйдя из ванной, он снова взглянул на подпись. Чернила расплылись, и надпись сильно выцвела.

Поколебавшись мгновение, Лу Ханьчжан подошёл к столу, вытер руку салфеткой и взял ручку. Он аккуратно обвёл подпись, но, дойдя до сердечка, вдруг замер.

Что я делаю?

На следующий день во время нетворкинга на отраслевой конференции Лу Ханьчжан пожимал руки другим участникам. Протягивая правую руку, он не мог не думать: Слава богу, Чу Мюнь не расписался на правой руке. Иначе его имя было бы точно стёрто рукопожатиями. От одной мысли об этом у него во рту появлялся неприятный привкус.

<http://bllate.org/book/14355/1271666>